

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДНОЙ МЫСЛИ

P. U. КАРИМОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ГОРОДАХ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В IX–XIV ВВ.

Средневековый город являлся центром административной, политической, экономической, научной, культурной, религиозной деятельности разного уровня. Особенностью восточнотуркестанского региона во все времена было то, что основная масса населения региона была сосредоточена в больших и малых городах. В зависимости от функционального значения города определялись социальное положение различных слоев городского населения и их основные занятия.

Для осуществления административного управления в средневековых государствах Восточного Туркестана сформировался разветвленный государственный чиновничий аппарат. Сравнительный анализ источниковых материалов достаточно убедительно показывает сходство управлеченческой системы, сложившейся в целом еще в тюркскую эпоху.

Административный аппарат в государствах Восточного Туркестана в рассматриваемых хронологических рамках был организован по террито-риальному признаку. Его структура указывает на наличие некоторых черт кочевой организации. К сожалению, доступные нам данные не позволяют воссоздать полное описание всех ступеней административного аппарата даже самых значительных Уйгурского и Караканидского государств региона. Однако основные звенья и общая структура государственного устройства управления могут быть реконструированы.

Во главе государства стоял хан или каган. В Уйгурском государстве он носил титул идикута (ыдык кут – святое блаженство. *K. P.*). В персидских источниках правитель Уйгурского государства именуется ханом. Идикут был неограниченным монархом, т.е. носителем гражданской, военной власти и верховным судьей. У В.В. Бартольда приводятся сведения Гардизи, писавшего о том, что все важные дела разбирались самим ханом на площади перед дворцом [1, с. 115].

Общую схему административного управления Уйгурского государства воспроизвел Д.И. Тихонов. Согласно этой схеме на последующей за идикутом и его родичами ступени стояли улчи, которые, скорее всего, были визирями. Визирей было девять. Ниже улчи находились тумен елчи и просто елчи. Д. И. Тихонов пишет, что «...из ряда свидетельств известно, что елчи ведали раскладкой и сбором разных налогов». На последней ступени иерархической системы находились беки. Беки были представителями идикута на местах и выполняли те же функции, что и идикут, но только в пределах вверенной им территории. Обязанности беков были обширными. Они следили за своевременными платежами всех налогов, за исполнением трудовой повинности, выполняли предписания вышестоящих чиновников, обеспечивали их лошадьми. В подчинении у беков находились главы общин – башлям ел будун. Главы общин были непосредственными исполнителями всех предписаний, они отвечали перед беками за все платежи, лошадей, обеспечение продуктами и фуражом проезжающих чиновников, за их устройство на ночлег. В самих общинках были люди, которые несли ответственность за ночлег и другие виды обязательств общины.

В документах Уйгурского государства упоминаются и другие чиновники. Например, в ярлыке Елик Кадыра названы: акичи – казначай, тсангчи – казначай, окан каскучи – распределитель речной воды, сувчи – распределитель воды, торкучи – учетчик, тинтсуи – обязанности которого не уточнены. Кроме того, встречается онлуг – десятник, башлык бек Кочо – главный бек столичного города Кочо и башлык акичи Кочо – главный казначай Кочо. Наличие главных бека и казначея дает возможность предположить существование должностей, подчиненных чиновникам столичного значения.

В 40-50-х гг. XIII столетия в управление Уйгурским государством, его городами включились даруги. Даруги находились при идикуте, они следили за поступлением налогов и выполняли ряд других ответственных обязанностей. Даруги назначались монгольскими ханами. В первые годы монгольского господства даруги получали назначение в те города, которые оказались по каким-то причинам без правителя и права идикутов их деятельность не ущемлялись. В дальнейшем пол-

номочия даруги расширяются, а власть идикутов ограничивается даже в области внутреннего управления. Об этих изменениях красноречиво говорит перечисление монгольских чиновников одновременно с уйгурскими идикутами. Даруга и идикут признавались на равном положении, более того к титулу даруги иногда прибавляли эпитет всемогущего, а идикутам подобных эпитетов не давалось. Обращает внимание также и то, что в столичный город Кочо дополнительно назначались высокопоставленные чиновники [2, док. № 17, 40, 41, 78, 88, 57, 65, 115].

В уйгурских юридических документах имеются также сведения о том, что тумен елчи был главой общинны, состоящей из 10 тысяч человек, елчи – главой, по-видимому, общинны более мелкой, илчи, алчи – послом, чан – градоначальником, арклик баг – влиятельным беком. Должность судьи выполнял тюзлук, казначеями были чики. Старейшины, уполномоченные по надзору и попечению, а также наблюдавшие за поступлением ежегодной дани назывались сючжан, вестник – иалавач, знаменоносец – тугбир, доверенное лицо – ынан, посредник – тюзел бек [3, с. 213].

В китайских хрониках упоминаются и другие названия чиновников Уйгурского государства, такие как военный и политический инспектор округа; офицер, ведающий копьями, т.е. вооружением; генерал-хранитель столичных ворот; командир конницы; офицер, ведающий боевыми лестницами; ревизор дела-производства; начальник ставки; чиновник особых поручений и т. д. [4].

Верхние слои общества в государстве и городе в том числе составляли люди благородные, знатного происхождения. Это им принадлежали многие величественные и великолепно оформленные городские здания. Даосский монах Чан-Чунь описывает оказанный ему прием в некоторых городах Уйгурского государства. Так, о Бешбалыке он пишет: «...государь, чиновники, благородные и народ, монахи буддийские, даосские ... вышли встречать нас». В городе Чанбала Чан-Чуня встречал местный владетель «в сопровождении родичей и монахов» [5]. Родичи владельца представляли знатных горожан. Другой информатор, сунский посол Ван Янь-дэ, сообщил, что в столице Уйгурского государства его встретил тесть Арслан-хана Адоюй, управлявший делами государства [6, с. 269]. Этот факт, (также как и предыдущий. – К. Р.) говорит по справедливому замечанию Д.И. Тихонова о том, что идикут рассматривал государство как свою вотчину, которой должны управлять он сам и его род, и что в этом, по-видимому, следует видеть пережитки родоплеменной традиции кочевников [7, с. 55]. В первом случае такими полноправными правителями города выступают местный владетель и его родичи.

В предложенной Д. Исиевым административной структуре на второй после идикута ступени находятся тегины и хатуны (принцы и принцессы) составлявшие ханский дом, а вслед за ними сагуны (визири). Тегины занимали высшие посты в государственном аппарате. Они назначались на должности буйрук-тутуков, начальников приказов, ведомств, главнокомандующих войсками, правителей округов, городов, начальников охраны столицы, казначейства, посольства и др. Члены ханской семьи имели большое влияние на идикута. Они жили в столице государства и были крупнейшими феодалами, собственниками огромных владений, пастбищ, табунов скота. Древнеуйгурское слово буйрук (буюрук) означает приказы, учреждения, ведомства отдельных отраслей управления. Буйрук-тутуки пользовались значительными правами, им подчинялись тарханы, тутуки, градоначальники, беки высшего ранга, послы. Они же отвечали за военные дела, состояние казны, водное, земельное, налоговое хозяйства [8, с. 146-147].

В Уйгурском государстве господствовали феодальные отношения. Крупнейшим феодалом был идикут. К перечисленным выше сановникам, также относившимся к феодальному сословию, необходимо добавить тарханов, находившихся на особом положении. Тарханы были освобождены от всяких налогов и не должны были делить свою добычу с другими. Тарханы у уйгуров относились к высшему сословию еще в период Уйгурского каганата [7, с. 150]. Абуль Гази в «Родословной тюркского племени» пишет: «Тархан означает человека, с которого не берут дани; когда он приходит в дом хана, его никто не может остановить, он входит и выходит по своему желанию. Если он совершил преступление, то с него не взыскивается до девяти вин. После девятой он уже подвергается наказанию. Это право переходит и на его потомство до девятого рода» [9, с. 53]. Тарханами становились представители крупной и средней землевладельческой, а также военно-феодальной знати.

К высшему слою уйгурского общества необходимо отнести и верхушку военного сословия. У Гардизи есть сведения о том, что уйгурского хана окружало множество людей и среди них 1000 человек, которые, по-видимому, составляли ханскую гвардию или дружины идикута. Они имели право есть и пить вино в присутствии хана и всюду сопровождали его [1, с. 115]. Уйгурское госу-

дарство проводило активную внешнюю политику, к тому же, оно было окружено не менее воинственными соседями. Для ведения войн государство располагало хорошо обученной армией. Определенная часть военнослужащих должна была дислоцироваться в городах. Одно из значительных строений в столице Уйгурского государства Идикут-шари исследователи определили как казарму или место для торговли лошадьми [10, с. 138]. Кроме того, городские фортификационные сооружения обслуживали военные, они охраняли и обороны города.

Известно, что в городах Уйгурского государства находилось множество храмов: буддийских, манихейских, христианских [11]. Некоторые города (Идикут шари, Асса шар) по этой причине получили название монастырско-храмовых. Сословие монахов не было однородным. В нем имелся высший слой, занимавший руководящее положение в монастырях и храмах, средний, который исполнял службы и низший, находившийся на положении слуг. До конца не изучено положение одной из низших групп буддийских монахов – сали или шали. Они, вероятнее всего, когда находились в монастыре, выполняли разную работу: обрабатывали поля, виноградники, сады, ухаживали за скотом, обслуживали высшее сословие монахов. За пределами монастыря, в городе сали проповедывали веру среди населения. В одном из ханских ярлыков говорится: «Силаvantи, сали, живущих в городе и в улусе, не обитающих постоянно в Мурутлукском монастыре, сердца их работой не отвлекать» [7, с. 181-183].

В западной части региона, государстве Карабанидов, несмотря на заметное сходство, имелась своя специфика устройства системы государственного управления. Специфика выражалась в том, что в Карабанидском государстве была развита удельная система, опиравшаяся на представления, создавших ее кочевых предводителей. Эти представления сводились к тому, что империя была собственностью всего ханского рода и управлять ею должны не единовластные правители, а члены ханского рода. Господствовавшая в государстве Карабанидов удельная система не могла не ослаблять центральной власти и централизованного управления. Специфика административного устройства определялась и тем, что Карабаниды уже в середине X в. приняли ислам и были постепенно включены в сферу влияния исламской культуры и активного взаимодействия с близлежащими мусульманскими государствами.

Сведения источников позволяют в целом воссоздать достаточно сложную структуру административного управления в государстве Карабанидов, представлявшую собой пятиступенчатый центральный аппарат. Верховным правителем Карабанидского государства являлся элик бек (илек, илик, илиг), носивший титулы Табгач хан (Тавгач), Бугра Кара хан, Арслан Кара хан. Власть хана была священной, неограниченной, деспотической, наследственной. Хан решал вопросы международных отношений, налогообложения, значительных должностных назначений, пожалований, награждал и наказывал. Он был собственником всех земель в пределах государства [12, с. 165-182]. А.А. Валитова отмечает, что Йусуф Баласагуни в «Кутадгу билиг» для обозначения верховного правителя государства Карабанидов употребляет термин «бег», соответствующий разным категориям правителей, но редко обозначающий верховного государя. Согласно ее мнению, такое титулование было отражением существующего порядка вещей в государстве Карабанидов, поскольку здесь верховный правитель был только наиболее владетельным князем-бегом, наиболее могущественным сюзереном, рядом с которым существовало множество удельных князьков [13, с. 131-132]. С таким объяснением вряд ли можно полностью согласиться, имея множество примеров центральноазиатских государств, где также господствовала удельная система и, тем не менее, верховный правитель, как правило, именовался ханом или султаном. Достаточно вспомнить титулование в государстве Могулистан и Могулии. К тому же, в разделе, посвященном характеристике качеств, которыми должен обладать бек, говорится о достоинствах сана, касающихся всех беков, т.е. и правителей удолов в том числе. Верховный же правитель в поэме выделен как элик или кут – священный владыка [12, 1983, с. 172, 173, 175, 180-182]. С титулованием верховных правителей в государстве Карабанидов на самом деле очень сложно разобраться, поскольку в источниках встречается разное их наименование: и хан, и илек. Современник Карабанидов Абу-л-Фазл Байхаки, автор многостороннего труда «История Mac'уда», в своем повествовании о завоевании Карабанидами Мавараннахра упоминает нашествие войск илека, а не илеков [14].

Государство было разделено на удели, во главе которых стояли беки. Беки формально были подчинены верховному правителю, однако на самом деле они проводили вполне самостоятельную политику. Даже налоговые сборы с населения удолов расходовались по усмотрению их правите-

лей. Отсюда проистекали постоянные усобные столкновения между удельными владетелями, а также между верховной и удельной властью, разрушавшие единые устои государства. Беки занимали вторую ступень центрального аппарата управления.

На третьей ступени находились йугя, йиркян, сагун, инанчбек, кадий, халиф, чагир, тогурул, ка-бук бashi – глава двора, улуг (хасс) хаджиб – главный советник, субаши бек сипа-салар – военачальник, яфгу. Известно, что все три ступени занимали почти исключительно представители правящей династии. Однако исключения все-таки были. Титула улуг хасс-хаджиб при дворе Табгач хана в Кашгаре был удостоен поэт Йусуф Баласагуни [12, с. 6]. При дворе верховного и удельных правителей находились главный советник – улуг хасс-хаджиб – глава всего придворного штата и хаджибы, которые были советниками хана, а также посредниками между ханом и удельными владетелями. Должность хасс-хаджиба соответствовала в современном понимании «министру двора» [12, с. 501] или, по В. В. Бартольду, «главному камергеру» [15, с. 67].

4 – 5 ступени занимали наиболее влиятельные представители других, т. е. *не ханских* родов и племен. Это были должности: югуруш, ябгу, туркисин, хаджиб, ялавач (посол), казы-аскяр соответственно четвертой и субаши, пардачи бashi, илимгя биткучи, казнача (казначай), кази-бек (судья), мухтасиб (вероятно, как и в более поздний могульский период представлял власть, надзирающую за поведением обывателей и карающую их за преступления этического характера) – пятой ступеней. Ответственность за спокойствие в областях, финансы, сборы налогов с населения несли назначаемые ханом беки.

Ограниченнность сведений не позволяет определить сферу деятельности каждой из перечисленных должностей. Но значение некоторых должностей можно попытаться восстановить по данным некоторых источников, прежде всего «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагуни и Дивана Махмуда Кашгари. В поэме «Кутадгу билиг» говорится о беках, визире, военачальнике, улуг хасс-хаджибе, управителе дворца, после, писце-письмоводителе, стольничем, казначее, о ведающем напитками, о том, какими они должны быть, чтобы соответствовать своему высокому сану.

Визирь был правой рукой, опорой правителя, в административной иерархии занимал третью после беков ступень, но фактически был вторым после правителя лицом в управлении государством. Визирь был ответственным за все государственные дела в целом [12, с. 182-188].

Военачальник – субаши бег сипасалари – ведал всеми войсками, т.е. был в современном понимании главнокомандующим. Он отвечал за оборону страны и возглавлял войско Карабанидов в военных операциях [12, с. 188-199].

Главный советник – улуг хасс-хаджиб олицетворял всевидящее око правителя. Он должен был наблюдать за исполнением законов и обычаев, входить в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимать и провожать послов, наблюдать за правильной организацией церемоний, выслушивать просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывать о них правителю государства [12, с. 199-205, 502].

Управитель дворца – ка-бук бashi отвечал за все службы по обслуживанию дворца и его охрану, был блюстителем дворцовых порядков. На ночь он расставлял посты, днем – руководил приемом просителей, представляя их соответственно чинам. На прием по его усмотрению допускались не все. О делах просителей, наименее важных, докладывал сам управитель. Ка-бук бashi отвечал за личную охрану правителя, все дворцовые церемонии, наблюдал за трапезами, за устройством приезжих. В его подчинении находились постельничьи, чашники, повара, сокольничьи, лучники, звероловы [12, с. 205-209].

Титул посланника уйгурских царей – ялавач по Йусуфу Баласагуни [12], у Махмуда Кашгари имеет написание йалавар. О значении посланника красноречиво говорит приведенная в Диване пословица: «Свежая трава не горит, посланник не умирает». Смысл пословицы объясняется так: посланник не умирает, даже если в послании проявляются жестокость и грубость отправителя. На обязанности посланника – только сообщение [16, с. 777]. О том, какими качествами должен обладать посол, подробно говорится в «Кутадгу билиг». Посол должен быть разумным и знающим, мудрым, степенным, красноречивым, ловким в дипломатии настолько, чтобы «уметь и пропащее дело спасти». Кроме того, посол должен быть преданным, безупречно честным, бескорыстным, скромным, ученым, удачливым, смелым, рассудительным; должен владеть искусством стихосложения, астрологии, медицины, быть искусным в игре нард и шантрач, охоте, знать языки и письменность других народов. Если посол будет отвечать всем эти требованиям, тогда его властитель будет

славой велик [12, с. 210-214]. Махмуд Кашгари упоминает также название посыльного – йукуркан, «идущего впереди торговцев из Син в земли Ислама с вестями о них и посланиями» [16, с. 783].

Письмоводитель-писец – битикчи – был не обычным писарем, а доверенным лицом правителя. По производственной необходимости он был посвящен в государственные тайны, поэтому должность эта была весьма почетной и ответственной. От скромности письмоводителя зависел исход многих государственных дел. Писцы были высокообразованными людьми и обладали красивым почерком и слогом. Йусуф Баласагуни ставит писцов по их значимости в служении государству на один уровень с мудрецами и воителями, все остальные государственные мужи должны быть их опорой [12, с. 215-219]. У Махмуда Кашгари «писарь, пишущий послания султана тюркским письмом», обозначен как илимга [16, с. 171].

Функции казначея (по Махмуду Кашгари – имга) [16, с. 155] вполне понятны, в принципе они одинаковы для всех времен и всех стран. Казначей управляет казнью, он является стражем сокровищ страны. Эту должность, как и все характеризуемые выше, могли занимать только богатые и знатные люди. Казначей должен учитывать все поступления в казну, все государственные доходы и расходы [12, с. 220-225]. В ведении главного казначея, также как и других высших чиновников, находилась канцелярия.

У Карабанидов было 10 канцелярий – диванов: визиря, казначея, мустауфи, иностранных дел, начальников гвардии, почты, судебных дел, управления имуществом религиозных учреждений и тайного наблюдения, которые осуществляли надзор за удельными правителями, доходами и расходами казны, другими финансовыми делами, ханскими владениями, рынками, качеством ремесленной продукции, соблюдением обычая и традиций религии, законов государства. Важная роль в государственном управлении принадлежала мусульманскому духовенству – имамам, сеидам, шейхам, ведавшим не только душами своей паствы, но и активно вмешивавшимся во внутрpolitические, внешнеполитические дела государства, а при необходимости успешно боровшимся в союзе с военной знатью против неугодных верховных правителей [8, с. 181-183].

Постепенно в Уйгурском и Карабанидском государствах увеличивается число служилой и военной знати. Переход из категории бедных и незнатных в знатные и богатые не был невозможным и даже исключительным событием. Такие превращения происходили под влиянием внутреннего развития феодальных отношений и под воздействием различных политических событий. В период монгольского господства было особенно много примеров возвышения уйгуров на государственной службе. Например, некий Али-хая из бедной семьи, занимавшейся земледелием, проявил храбрость в боях. За свои заслуги он был назначен крупным военным начальником, а после смерти удостоился звания гуна. Новое служебное и общественное положение было связано с ростом личного богатства и часто перемещением из села или провинциального городка в столицу [7, с. 152].

Наряду с чиновниками, Йусуф Баласагуни в своей поэме много внимания уделил представителям других самых разных профессий, составлявшим основную массу городских жителей: ученым, лекарям, знахарям, толкователям снов, звездочетам, поэтам, мелким дворцовыми служащими, слугам, торговцам, ремесленникам и, наконец, просто беднякам [12, с. 309-341]. В городах жили торговцы разного уровня и ростовщики. Караван-сараи и базары были самыми людными частями города. Значительный слой горожан составляли ростовщики. Ростовщиками в Уйгурском государстве были даже монахи [17, док. № 5].

Приведенный перечень должностей аппарата государственного управления в Уйгурском и Карабанидском государствах позволяет оценить развитость системы и ее разветвленность. Люди, занимавшие высшие ступени административного аппарата и военной структуры, составляли привилегированные слои городского населения. Простой городской люд состоял из мелких служащих, многочисленных ремесленников и торговцев, слуг и рабов, рядовых воинов гарнизона и монахов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. – СПб, 1897.
2. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. – Leningrad, 1928.
3. История Тувы. – М.: Наука, 1964. – Т. 1.
4. Маякин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1974. – Ч. 2.

5. Кафаров Палладий. Си ю цзи или Описание путешествия на запад // Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине. – СПб., 1866. – Т. 4.
6. Григорьев В.В. Дополнения. – Риттер К. Землеведение Азии / перевод и критические замечания В. Григорьева. – СПб., 1873. – Т. 5, вып. 2.
7. Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства. X – XIV вв. – М.-Л.: Наука, 1966.
8. Краткая история уйгуров. – Алма-Ата: Гылым, 1991.
9. Абуль Гази. Родословная тюркского племени / перевод Г. Саблюкова. Библиотека восточных историков, III. – Казань, 1854. – Ч. I.
10. Литвинский Б.А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Восточная литература, 2000.
11. Книга Марко Поло / перевод старофранцузского текста И. П. Минаева: редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. – М.: Географиз, 1955.
12. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983.
13. Валирова А.А. К вопросу о классовой природе Караканидского государства // Труды Киргизского филиала АН СССР. – Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1943. – Т. 1, вып. 1.
14. Бейхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда. 1030–1041. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962.
15. Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. – М.: Изд-во вост. лит., 1966. – Т. 6.
16. Махмуд ал-Кашгари. Диwan Lughat at-Turk / перевод, предисловие и комментарии З. А. М. Аузовой. – Алматы: Даик-Пресс, 2005.
17. Stein A. Ancient Khotan. Oxf., 1907. – Vol. 1–2.

LITERATURE:

1. Barthold V.V. Otchyt o poesdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu 1893–1894 gg. – SPb, 1897.
2. Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. – Leningrad, 1928.
3. Istorya Tuvy. – Moscow: Nauka, 1964. – Т. 1.
4. Malyavkin A.G. Materialy po istorii uighuov v IX–XII vv. // Istorya i kultura Vostoka Azii. – Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye Otdeleniye, 1974. – Ch. 2.
5. Kafarov Palladiy. Xi yu ji ili Opisaniye puteshestviya na zapad // Trudi chlenov Rossiyskoi Dukhovnoi missi v pekine. – SPb, 1866. – Т. 4.
6. Grigor'yev V.V. Dopolneniya. – Ritter K. Zemlevedeniye Azii / perevod i kriticheskiye zamechaniya V. Grigor'yeva. – SPb, 1873. – Т. 5, вып. 2.
7. Tikhonov D.I. Khozyastwo i obshchestvennyi story Uighurskogo gosudarstva. X – XIV vv. – M.-L.: Nauka, 1966.
8. Kratkaya istoriya uigurov. – Alma-Ata: Ghylym, 1991.
9. Abul Gazi. Rodoslovnaia tyurkskogo plemeni / Perevod G.Sablukova. Biblioteka vostochnykh istorikov, III. – Kazan, 1854. – Ch. I.
10. Litvinski B.A. Architektura i stroitelnoye delo // Vostochniy Turkistan v drevnosti i rannem srednevekov'ye. – M.: Vostochnaya literatura, 2000.
11. Kniga Marka Polo / perevod starofrantsuskogo teksta I.P Minayeva: redakssiya i statya I.P.Magidovicha. – M.: Gografiz, 1955.
12. Yusuf Balasagunski. Blagotanoye znaniye. – M.: Nauka, 1983.
13. Valitova A.A. K voprosu o klassovoi prirode Karakhanidskogo gosudarstva // Trudy Kirgizskogo filiala AN SSSR. – Frunze: Kirgizskoye gos-izd-vo< 1943. – Т. 1, вып. 1.
14. Beikhaki Abu-l-Fazl. Istorya Mas'uda. 1030–1041. – Tashkent: isd-vo AN UzSSR, 1962.
15. Barthold V.C. Sochinenya v 9 t. – Moskva: isd-vo vostochnoy literatury, 1966. – Т. 6.
16. makhmu al-Kashgari. Diwan Lughat-at-Turk / perevod, predisloviye i kommentarii Z.M. Auezovoi. Almty: Daik-Press, 2005.
17. Stein A. Ancient Khotan. Oxf., 1907. – Vol. 1–2.

Резюме

Каримова Рисалят-Биби Усманқызы

XI–XIV гасырларда Шығыс Түркістан қалаларын басқарудағы әлеуметтік-экономикалық қатынастар және басқару әкімшілігінің мәселелері

Мақалада IX–XIV ғғ. Шығыс Түркістандағы Үйгүр және Қарағанид (шығыс болігі) мемлекеттері қалаларында қалыптасқан әлеуметтік-экономикалық қатынастар және басқару әкімшілігі мәселелері қарастырылады. Тұрлі топтағы қала тұргындарының әлеуметтік жағдайы және негізгі қызметтері сол қаланың функциональды маңызы, анығырақ айтқанда, оның статусы және дамудың негізгі бағыттары арқылы анықталған. Қарастырылып отырған кезеңдегі Шығыс Түркістан мемлекеттерінің әкімшілік аппараты аймақтық белгілері бойынша ұйымдастырылып, оның құрылымында көпшенділік ұжымның кейір белгілері байқалады.

Summary

Karimova Risalat

Social and economic relations and administrative rule in the towns of Eastern Turkistan in the IX-XIV centuries

The article examines social-economic relations and administrative management in the towns of the Uyghur and Karakhanid (eastern part) states of Eastern Turkistan. Social status of various strata of the urban population and their main occupations to